

Татьяна Щербина

Татьяна Щербина родилась в 1970 г. в городе Северодвинске Архангельской области. Живёт там же. Окончила Архангельский государственный медицинский институт (1993). Работает детским неврологом.

Выпускница Литературных курсов 2021 г.

Пишет стихи. Автор поэтических сборников: «Стихи – это листья» (Онега, 2003), «Осколки музыки» (Онега, 2009), «Дорога, которой нет» (Москва, 2016), «Голос дождя» (Москва, 2019).

Произведения публиковались в сборнике «Глагол. Карта современной поэзии 2018», в альманахе «День поэзии. 21 век» (2018, 2019), в журналах «Двина», «Наш современник» (2012), «Дон» (2018), «Русский писатель», в интернет-журнале «Парус», на сайте «Русский писатель».

Участница II Всероссийского Форума молодых писателей (Липки, 2002), а также совещаний молодых писателей (Каргополь, 2001, 2003).

Победитель областного литературного конкурса имени Николая Рубцова (2003), лауреат премии «Наследие» (Москва, 2017).

Член Союза писателей России.

Бабочка белой ночи

***

Чиста небесная свирель,
Зовёт и губит.
Ах, эта поздняя сирень,
Влюблённый Врубель.

Все ветки музыкой морской
Увиты – пеной.
А в сердце сладко, глубоко
Поёт сирена.

Отдаться б с дикостью – со всей
Любовной скачке.
Но Север – грустный Одиссей
Привязан к мачте.

***

Когда любимый назовёт женой,
Рябины ветка вздрогнет за спиной,
Отчаянье привычно обнимая,
И встрепенётся вечное в крови,
Как будто предки грустные твои
На музыку и боль благословляют.

Есть сердца пропасть и огонь руки.
Морошки золотые светлячки
Поманят в светлом космосе болота.
Объятия среди сосновых крон,
Всё запах таволги, багульниковый сон,
И сладко и обидно отчего-то.

По озеру предутренняя дрожь.
Почти девчонка, ты поверишь в ложь,
И в сорок – безрассуднее, чем в двадцать...
Не спи, моя хорошая, не спи!
Ты – лишь звено святящейся цепи,
Которая не может оборваться.

***

Обрастаешь вещами,
как днище старого корабля
обрастает усталостью,
ракушками и мхом.
Никого не прощаешь.
Наверное, это зря.
Самолюбие греет –
старый пиратский ром.

Вечерами в каюте,
где в крошечную длину
втиснут провинциальный
пыльный музей,
выключаешь компьютер
и тихо идешь ко дну,
или ко сну,
а рядом тени друзей.

Они говорят, но кто-то
мудрый выключил звук.
Море (а может, время)
волнуется и шумит,
смывая старые счёты,
объятия призрачных рук,
детские платочки земных обид.

***

Мокрый снег под ногами корчится,
Ветер просто несёт пургу.
Я не знаю, чем это кончится,
Даже выдумать не могу.
Всё трудней держать равновесие,
Всё прочней налипает ложь.
Даже небо висит невесело,
Намекая на вечный дождь.

***

Капельку лета – в ленту.
Сполохи рыжих молний,
Бархатный гром июля,
Августа холодок.
Море (и с ним – моментом).
Трав горячие волны.
Клевера тёплый улей.
Сорванный лепесток.
Трепет маленьких перьев,
Ласточки лёгкий росчерк.
Красный высокий берег.
Облако-великан.
Нежность воды вечерней.
Бабочка белой ночи.
Крыльев прозрачный веер
В мягкой руке цветка.

***

У кукушки сломались часы,
И она от блаженства охрипла.
Очертания большой стрекозы –
Невесомая скрипка.
На песке, на горячих камнях
Дремлет лень золотая.
Добродушный патлатый ивняк –
Без конца и без края.
И кувшинка лежит на волне,
Словно солнечный слепок.
Ах, как здорово плыть на спине
И заглядывать в небо.
Молодых облаков молоко,
Флейта хрупкости белой.
На секунду взлететь высоко,
Отделяясь от тела.

***

Низкий туман над болотом.
Чёрные крылья реки.
Осень. Открыта охота.
Слышатся всюду хлопки.
Ах, как рассыпаны густо
Клюквины – алая ртуть.
Осень. Внезапное чувство –
Будто не можешь вдохнуть.
Выстрел, короткий и хлёсткий,
Сталью царапает вьсь.
Лист опадает с берёзки –
Чья-то недолгая жизнь.
И никого не спасает
Мёртвая веры вода.
Сердце, испуганный заяц,
Это – уже навсегда.
Но треугольником острым –
Просто, без слёз и обид,
Птичий разорванный остров
В небе разбитом летит.

***

И светилась русская печка
Первобытным, живым огнём,
А с иконы смотрела вечность,
Обнимая глазами дом.

Для души находилось место.
Все слова становились в ряд.
Сотворяла бабушка тесто –
Словно песню на старый лад.

И как будто лепились сами,
Сами в печь летели, легки,
Шаньги с рыбными пирогами,
Сковороднички, колобки.

Улетели мои жар-птицы.
Дом тот небылью занесен.
Отчего же все снится, снится
Удивительно вкусный сон?

***

Целовала.
Становилась целой и мудрой.
Каждое утро
бессонницу под глазами лечила пудрой.
Учила сутру и бормотала мантру,
варила манку,
обольщалась яркой строкой обманной.
Целовала –
ничего не видела, кроме...
Ехала на работу, в метро открывала томик
Гумилёва.
А Ахматову – не читала.
Только когда целовала тебя – летала!
Неумело и нежно ловила ветер –
тёплый, летний.
Только губы – целого мира мало.
Целовала.
Я тебя целовала.

***

Дожди размыли старую дорогу.
Тропинки луговые заросли.
Мне радостно и боязно немного,
а таволга – как песня о любви.
И через край тугие хлещут травы.
Они почти касаются плеча.
Созвездие ромашек у канавы,
ракетой в небо рвётся иван-чай.
Забывтое поблазнится и канет,
аукнется и снова пропадёт.
Я в лес иду совсем не за грибами,
сама не знаю, что меня ведёт.
Я в лес иду, как люди ходят в церковь.
Стою перед невидимой свечой,
и свет горит, горит, и не померкнет
свет родины, печальный и живой.

***

На ёлке, в трещинках чуть-чуть
Фонарик голубой.
Я так хочу зажечь свечу
И посидеть с тобой.
Пока мерцают огоньки,
И комната темна,
Пожатье тихое руки
Приятнее вина.
Метель за окнами сплела
Невидимый ковчег.
Приходит музыка, светла,
Внезапно, словно снег.
Мы жизнь, как рыбы провели
В аквариуме лет.
Но с нами – сумерки любви
И нежности рассвет.

***

Вдохни этот город – и не умирай.
В нём время зависло навеки,
И кони хрипят, устремляясь за край,
Летит по мосту гумилёвский трамвай,
И мёртвые смотрят сквозь веки.

Не спрашивай, друг, отчего и за что
Тебе эта тайна знакома.
Имперского неба висит решето,
И Анна Ахматова в чёрном пальто
Стоит у казённого дома.

И холод стучит в каземате груди,
И сфинксы молчат в назиданье.
Предчувствием ножниц натянута нить,
А значит, нам снова пора выходить
На станции «Площадь Восстания».

Загадка души – в отрицании дорог
Доколе терпения хватит.
Так трудно страну прочесть между строк,
Но видит глазами печальными Блок
Иисуса в матросском бушлате.

В невидимых комнатах свечи горят.
(Не будет ни легче, ни проще).
Пылающий пунш разливают заря,
И кто-то с плакатом в бреду декабря
Идёт на Сенатскую площадь.

***

Тихая Тойма. Зелёные острова.
Вниз по угору змейкой скользит тропа.
Ивы плетут кудрявые кружева.
Лодка у берега – словно чья-то судьба.
Чище на свете не отыскать песка.
Небо живое, нет у него границ.
Тихая Тойма. Ласковая река.
Край, где Господь говорит голосами птиц.
Льётся, звенит июльская синева,
Тёплое золото в заводях расплескав.
Белый песок, зелёные острова,
Бабочки рыжие над океаном трав

***

Я приеду в деревню слушать кукушку.
Где Задвинье – в зарослях ивняка,
будет закат ронять золотую стружку,
умиротворённо мерцать река.
На угоре вспыхнет дикий шиповник,
словно сердца трепетного изгиб.
Половицы в доме скрипнут с любовью,
вспоминая маленькие шаги.
Будут кликать деток божьи коровки,
незабудки плакать в траве густой
и бельё на бабушкиной верёвке –
пахнуть небом, облачной чистотой.
Я приеду в деревню – к стихам и солнцу,
в тёплую молочную тишину,
на вечерней зорьке пойду к колодцу,
детство звёздным ковшиком зачерпну.

***

Бабочки... белые бабочки – хлопья снега,
Так много их – перехватывает дыхание.
Знаешь, не всё зависит от человека.
Своё у каждого – преступление и наказание.
Ветер такой, что ломаются крылья елей,
Падают навзничь сосны, калеча спину.
Город, зажатый штормом в кольце метелей,
Похож на огромную субмарину,
Путь её печален и засекречен,
Уходит во мглу, где нет ни земли, ни неба,
Только зима, зима, и летят навстречу
Бабочки, белые бабочки, хлопья снега...